

УДК 347.441.4

СВОБОДА ДОГОВОРА И ЕЁ ПРЕДЕЛЫ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ДОГОВОРЕ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ СТОРОН И ЗАЩИТА ПРАВ НАСЛЕДНИКОВ

Луковская Светлана Александровна, аспирант, направление подготовки 40.06.01 Юриспруденция, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
e-mail: svetik220197@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования связана с введением наследственного договора в российское гражданское право и необходимостью определения предела свободы договора в наследственных отношениях. Цель работы – выявить допустимый объем договорной автономии и механизмы баланса интересов наследодателя, контрагента и обязательных наследников. Используются формально-юридический и системный методы, а также анализ судебной практики. Сделан вывод, что наследственный договор расширяет частную автономию, но в большей степени защищает наследодателя. Научная новизна заключается в обосновании необходимости усиления защиты добросовестной стороны договора. Практическая значимость работы состоит в предложениях по уточнению правил изменения наследственной массы и компенсации при отказе от договора.

Ключевые слова: наследственный договор, свобода договора, обязательная доля, наследодатель, наследники, пределы осуществления прав, нотариальная форма, судебная практика.

Для цитирования: Луковская С. А. Свобода договора и её пределы в наследственном договоре: баланс интересов сторон и защита прав наследников // Шаг в науку. – 2026. – № 3. – С. 75–78.

FREEDOM OF CONTRACT AND ITS LIMITS IN AN INHERITANCE CONTRACT: BALANCING THE INTERESTS OF THE PARTIES AND PROTECTING THE RIGHTS OF HEIRS

Lukovskaya Svetlana Alexandrovna, postgraduate student, training program 40.06.01 Jurisprudence, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia
e-mail: svetik220197@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the introduction of the inheritance contract into Russian civil law and the need to determine the limits of freedom of contract in inheritance relations. The purpose of the article is to identify the permissible scope of contractual autonomy and the mechanisms for balancing the interests of the testator, the contractual party, and compulsory heirs. The research is based on formal legal and systemic methods, as well as on the analysis of judicial practice. It is concluded that the inheritance contract expands private autonomy but provides stronger protection to the testator. The scientific novelty lies in substantiating the need to strengthen the protection of the good-faith party to the contract. The practical significance of the study consists in proposals to clarify the rules governing changes to the estate and compensation upon withdrawal from the contract.

Key words: inheritance contract, freedom of contract, compulsory share, testator, heirs, limits of rights, notarial form, judicial practice.

Cite as: Lukovskaya, S. A. (2026) [Freedom of contract and its limits in an inheritance contract: balancing the interests of the parties and protecting the rights of heirs]. *Shag v nauku* [Step into science]. Vol. 3, pp. 75–78.

Наследственный договор стал одним из ключевых результатов реформы наследственного права, проведенной Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ и вступившей в силу с 1 июня 2019 г. Закрепив в ст. 1118 и 1140.1 ГК РФ возможность распоряжения имуществом на случай смерти не только посредством завещания, но и посредством договора,

законодатель расширил пределы частной автономии в наследственном праве [4]. Вместе с тем появление этой конструкции поставило вопрос о границах свободы договора в сфере, где затрагиваются интересы не только сторон соглашения, но и обязательных наследников, иных наследников и кредиторов наследодателя.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и системный методы, а также метод анализа судебной практики. Формально-юридический метод использован для толкования норм ст. 1118 и 1140.1 ГК РФ и выявления требований к форме и содержанию наследственного договора; системный метод позволил рассмотреть наследственный договор во взаимосвязи с правилами об обязательной доле, о недостойных наследниках и общими положениями о свободе договора; анализ судебной практики применён для оценки того, как выявленные пределы свободы договора реализуются при разрешении конкретных споров.

Согласно п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ наследственный договор позволяет определить круг наследников, порядок перехода имущества после смерти наследодателя, а также возложить на участников договора имущественные и неимущественные обязанности [2]. Тем самым данный институт дает сторонам более гибкий инструмент регулирования, чем завещание. Однако эта гибкость не означает полной свободы усмотрения. Наследственный договор заключается в нотариальной форме, подписывается всеми сторонами, а при уклонении от нотариального удостоверения не применяется общий механизм признания сделки действительной по ст. 165 ГК РФ [2]. Следовательно, свобода сторон здесь изначально ограничена строгими требованиями к форме договора.

Проблема связана не только с формой договора. Гораздо важнее, что сама его конструкция остается противоречивой. С одной стороны, она строится как соглашение сторон. С другой стороны, закон сохраняет за наследодателем столь широкий объем последующего усмотрения, что обязательственный элемент договора заметно ослабляется.

На это справедливо обращает внимание Д. В. Лоренц, указывая, что «свобода прижизненных распоряжений ... может использоваться наследодателем в качестве косвенного способа отказа от наследственного договора» [3, с. 116]. Данная позиция точно отражает главный риск рассматриваемой конструкции: договор существует, но устойчивость правового положения контрагента остается ограниченной.

Анализ доктринальных позиций показывает отсутствие единства во взглядах на правовую природу и пределы свободы наследственного договора. Если Д. В. Лоренц акцентирует сохранение за наследодателем широкой свободы прижизненных распоряжений и связанную с этим неустойчивость положения контрагента [3], то И. А. Беляева смещает фокус на сложность построения механизма защиты интересов кредиторов наследодателя и иных третьих лиц [1]. При несовпадении исходных акцентов оба подхода

сходятся в том, что действующая модель не обеспечивает равной защиты участников договора. Настоящее исследование развивает эту линию, рассматривая дисбаланс интересов как системную черту конструкции, а не как частный недостаток отдельных норм.

Свобода договора в наследственном договоре проявляется, прежде всего, в возможности сторон самостоятельно определить будущий порядок наследования, объем имущественных притязаний и содержание обязанностей участников. Однако такая свобода допустима лишь постольку, поскольку не затрагивает императивные основы наследственного права. В этой сфере речь идет не о неограниченной автономии воли, а о свободе, заранее ограниченной законом.

Для понимания пределов свободы договора в наследственном договоре важно сопоставить его с завещанием. В отличие от завещания как односторонней сделки, наследственный договор предполагает согласование интересов сторон и формально обладает признаками обязательственного правоотношения.

Однако это различие во многом условно. Несмотря на договорную форму, наследодатель сохраняет широкую свободу распоряжения имуществом, что ставит его в более сильное положение и ослабляет взаимосвязанность прав и обязанностей сторон. Контрагент может исполнять договор, не имея гарантий сохранения имущественной базы.

Таким образом, наследственный договор занимает промежуточное положение между завещанием и гражданско-правовым договором, сочетая элементы обоих и требуя дополнительных гарантий защиты добросовестной стороны.

Прежде всего пределом свободы договора выступают правила об обязательной доле и о недостойных наследниках. Пункт 6 ст. 1140.1 ГК РФ прямо предусматривает, что условия наследственного договора действуют лишь в той части, в которой они не противоречат правилам об обязательной доле и запрету наследования недостойными наследниками [2]. Тем самым законодатель подчеркивает приоритет социальной функции наследственного права над частным соглашением. Стороны не вправе использовать договор как инструмент обхода минимальных гарантий, установленных для наиболее уязвимых членов семьи наследодателя.

Эта идея подтверждается и судебной практикой. Пленум Верховного Суда Российской Федерации исходит из того, что обязательная доля направлена на защиту лиц, нуждающихся в особой правовой охране, и должна учитываться независимо от формы распоряжения имуществом на случай смерти. Хотя соответствующие разъяснения были выработаны преимущественно применительно к завещанию, они имеют

значение и для наследственного договора, поскольку правила об обязательной доле распространяются и на него [5; 6; 7].

Не менее существенная проблема связана с изменением и прекращением наследственного договора. С одной стороны, закон допускает изменение или расторжение договора по соглашению сторон либо по решению суда при существенном изменении обстоятельств, включая появление обязательных наследников [2]. С другой стороны, п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ предоставляет наследодателю право в любое время отказаться от договора в одностороннем порядке, ограничиваясь возмещением убытков, понесенных другой стороной к моменту уведомления [2].

Именно здесь наиболее отчетливо проявляется дисбаланс интересов. Закон защищает свободу последней воли наследодателя в большей степени, чем интересы контрагента, который уже мог исполнять договор: осуществлять уход, содержать имущество, нести расходы, менять свое имущественное поведение в расчете на будущее наследственное предоставление. В итоге стороны договора защищены неодинаково.

Наиболее спорным является правило п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ, согласно которому после заключения наследственного договора наследодатель вправе распоряжаться своим имуществом даже тогда, когда это лишает будущего наследника прав на соответствующее имущество; соглашение об ином ничтожно [2]. С точки зрения охраны свободы личности наследодателя, такое решение объяснимо. Однако с точки зрения справедливости это заметно ослабляет доверие между сторонами наследственного договора.

Если контрагент к этому моменту уже исполнил свои обязанности или понес определенные затраты, однако наследодатель сохраняет возможность по своему усмотрению вывести имущество из состава будущего наследства, договорное ожидание другой стороны оказывается крайне неустойчивым. В такой ситуации стабильность достигнутых договоренностей оказывается практически необеспеченной. Именно поэтому критическая оценка подобной модели представляется вполне оправданной.

Формирующаяся практика подтверждает дискуссионность конструкции: в определении Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2020 по делу № 88-12855/2020 спор о наследственном договоре потребовал обращения к сравнительно-правовому материалу ввиду новизны института, что показывает отсутствие устоявшихся подходов к оценке прав добросовестного контрагента [8].

Как отмечает И. А. Беляева, «проблемы практического характера обусловлены сложностью создания правового механизма защиты интересов кредиторов

наследодателя» [1, с. 138]. Этот вывод можно распространить и на более широкую проблему: действующее регулирование не обеспечивает достаточной сбалансированности интересов всех участников наследственного договора.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о характере обязанностей, принимаемых на себя сторонами наследственного договора. В отличие от завещания, где волеизъявление носит односторонний характер, наследственный договор предполагает встречное поведение контрагента, которое может выражаться в осуществлении ухода за наследодателем, содержании имущества, оказании помощи либо воздержании от определенных действий. Однако действующее законодательство не содержит четких критериев оценки такого поведения и его соразмерности будущему наследственному предоставлению. Это создает дополнительный риск дисбаланса интересов: при значительном объеме фактического исполнения со стороны контрагента его правовое положение остается зависимым от последующей воли наследодателя. В результате обязательственный элемент договора приобретает ослабленный характер, поскольку исполнение одной стороны не всегда обеспечивает эквивалентную защиту ее интересов. В этих условиях особое значение приобретает выработка подходов, позволяющих учитывать характер и объем фактически исполненных обязанностей при разрешении споров, связанных с наследственным договором.

Закон стоит уточнить: отделить добросовестное распоряжение имуществом от действий, направленных на срыв наследственного договора, расширить компенсацию при одностороннем отказе наследодателя и прямо разъяснять у нотариуса, что такой договор не отменяет обязательную долю и не гарантирует сохранность конкретного имущества.

Таким образом, свобода договора в конструкции наследственного договора не может рассматриваться как неограниченная. Ее пределы обусловлены самой природой наследственного правопреемства, необходимостью защиты обязательных наследников, исключением из числа наследников недостойных лиц, а также возможностью судебного контроля [2; 5]. Вместе с тем действующая модель, как представляется, в большей мере ориентирована на охрану интересов наследодателя, чем на поддержание реального баланса интересов участников договора. По этой причине институт наследственного договора нуждается в дальнейшем совершенствовании. Прежде всего это касается усиления защиты добросовестного контрагента, более четкого регулирования вопросов компенсации и определения допустимых пределов изменения наследодателем состава имущественной массы.

Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на следующих направлениях: разработка критериев разграничения добросовестного распоряжения имуществом и действий, направленных на обход наследственного договора; определение порядка и объёма компенсации добросовестному контрагенту

при одностороннем отказе наследодателя с учётом фактически исполненных обязанностей; сравнительно-правовой анализ моделей наследственного договора в зарубежных правовых порядках; эмпирическое изучение формирующейся практики применения ст. 1140.1 ГК РФ по мере её накопления.

Литература

1. Беляева И. А. Проблемные аспекты правовой конструкции наследственного договора // Вестник РГТУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – № 4. – С. 136–145. – <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2022-4-136-145>. – EDN: IMPVRA.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 33 (ч. I). – Ст. 4933.
3. Лоренц Д. В. Наследственный договор: подход континентального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 105–129. – <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.2.105.129>. – EDN: EAQXUH.
4. О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 30. – Ст. 4552.
5. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 №9 // СПС «КонсультантПлюс». – 2012. – № 9.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.2019 № 5-КГ19-181 // СПС «КонсультантПлюс». – 2019. – № 5.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.01.2025 № 4-КГ24-73-К1 // КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=846998> (дата обращения: 19.04.2026).
8. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2020 по делу № 88-12855/2020 // КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=16522> (дата обращения: 19.04.2026).

Статья поступила в редакцию: 19.04.2026; принята в печать: 05.08.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.